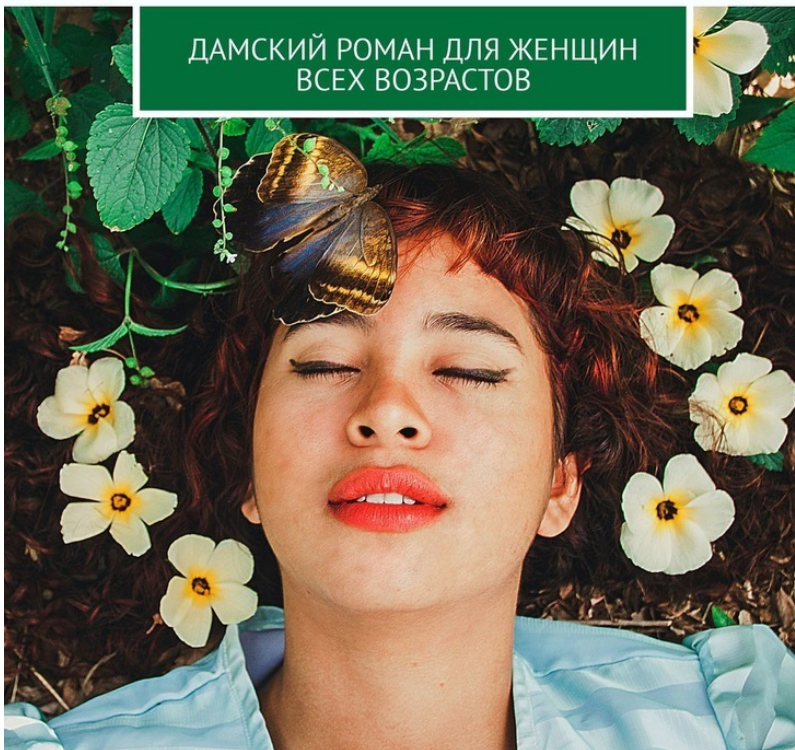

СЕРГЕЙ БАЕВ

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

ДАМСКИЙ РОМАН ДЛЯ ЖЕНЩИН
ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

Сергей Баев
Эффект бабочки.
Дамский роман для
женщин всех возрастов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43313623

ISBN 9785005015228

Аннотация

Жизнь простой и незаметной женщины из Томска внезапно и головокружительно меняется, как только она входит в мир литературы. Ей ужасно хочется быть удачливой, богатой, беспечной и знаменитой – и она немедленно становится такой, пусть в мечтах, во сне, в сказке. Из неотправленного письма выросли двадцать романов, из робкой девочки – брутальная бизнес-леди, из скромной продавщицы – властительница дум. При этом она практически не изменилась, оставаясь всё такой же милой и честной.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Муки творчества	11
Параграф 1. Дорогая пропажа	11
Параграф 2. Кто я	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

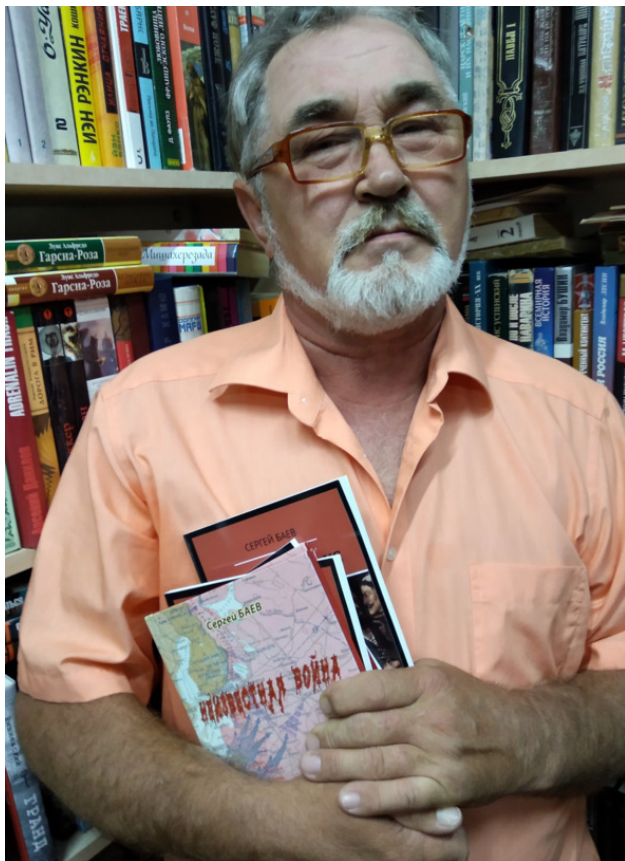
Эффект бабочки Дамский роман для женщин всех возрастов

Сергей Баев

© Сергей Баев, 2019

ISBN 978-5-0050-1522-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Рейс Москва – Тель-Авив нежно, по всем законам современного сервиса, проглотил своих неугомонных пассажиров и теперь переваривал их многочисленные потребности: одному срочно понадобилось одеяло, другому хотелось сока, третий боялся летать и просто нервничал. Стюард, грациозно двигавшийся по проходу, разливал огонь по бокалам: вино, водку, коньяк и другие горячительные напитки. В массе своей пассажиры просили либо сок, либо сухое вино, иногда – пиво.

Когда стюард осторожно протискивал свой импровизированный бар мимо меня, я остановила его и пальчиком показала на коньяк.

Молодой симпатичный парень, лет двадцати пяти, в фирменной рубашке с галстуком бело-голубого цвета с надписью «Эль Аль», притормозил возле моего кресла, одновременно ласково и вопросительно взглянул на меня, и подчёркнуто вежливо произнёс: «Ани лё мэвин. Ма ат роца, гевэр-эт?» (*Перевод с иврита: «Я не понял. Что вы хотите, госпожа?»*).

Теперь пришла моя очередь смотреть на него ласково и вопросительно, и я раздражённо процедила: «Я ни хрена не понимаю на вашем тарабарском языке. Налей мне коньяку, я ужасно боюсь летать. Понял?»

Стюард тут же нажал кнопку экстренного вызова над креслом, едва заметно покосился на меня и заученно пробубнил: «Рак рэга, гевэрэт. Еш ми шу мидабэрт русит» (*Перевод с иврита: «Одну минуту, госпожа. У нас есть человек, говорящий на русском».*)

Как по команде к нему на подмогу прилетела симпатичная стюардесса по имени Жанна и с показной улыбкой спросила: «Какие у Вас проблемы, госпожа? Что Вы хотите?»

«Девочка моя, я хочу коньяка, поскольку страшно боюсь летать. А к коньяку, будьте добры, принесите лимончика», – ответила я.

Стюардесса снова улыбнулась своей дежурной профессиональной улыбкой и перевела с русского на иврит мой заказ юноше в униформе. Он тут же оживился, накапал полстака на коньяку и протянул со словами: «Бэвакаша, гевэрэт. Ла бриют». (*Перевод с иврита: «Пожалуйста, госпожа. На здоровье».*)

Я залпом влила в себя горячительное и на непонятном слове «Ла бриют» возвратила стакан стюарду с просьбой: «Повтори-ка, сынок!»

Он вопросительно покосился на русскоговорящую коллегу и по её жесту сообразил, что я категорически требую продолжения банкета. Вновь наполнив стакан, он надел на себя маску учтивости, потом протянул тарелочку с нарезанным лимоном и снова произнёс загадочную фразу: «Ла бриют, гевэрэт» (*Перевод с иврита: «На здоровье, госпожа».*)

...Израильтянин от двух порций коньяка без закуски, наверное, уже умер бы два раза, но мы-то русские, нам такие мизерные дозы только для поднятия настроения.

Стюард, как под гипнозом, онемел, стоял как столб около моего кресла, не в силах двинуться с места. Первый раз в жизни он видел, как немолодая женщина залпом опрокинула две порции коньяку и осталась в живых. Стюард пребывал в шоке! А ведь самолёт только-только набирал высоту. Что же произойдёт после трёх часов полёта? Парень, родившийся и выросший в Израиле, даже не мог себе представить, что станет выделявать эта пожилая, интеллигентного вида дама дальше?

Пока летающий бармен прокручивал в голове различные варианты скорого будущего, я вернула ему тару и жестом приказала – «Повторить»! Стюард покорно наполнил мой стакан, глубоко вздохнул и шёпотом вымолвил: «Зэ машеу машеу!!!» (*Перевод с иврита: «Это что-то!!!»*), что, очевидно, означало крайнее восхищение.

«Девушка, переведите, пожалуйста, что он сейчас изрёк?» – попросила я.

«Он сказал, что это что-то невероятное!», – ответила Жанна.

Приняв на грудь третью порцию халявного, вкусного алкоголя, я сразу же успокоилась. Голова помчалась кругом, и мне стало совершенно по барабану, долечу я или рухну в Средиземное море вместе со всеми трезвыми пассажира-

ми. Мне теперь абсолютно всё равно, кто я?, что я?, зачем я нахожусь в этом самолёте?, куда лечу?; а может, не лечу никуда вовсе, а просто сплю на любимой продавленной тахте в своей старой-старой квартире, где на шкафу и полках скопление пыли...

...Какое-то время я тщетно пыталась бороться с крутящейся реальностью, но поняв, что это бесполезно, зажмурила глаза и провалилась в приятный полусон...

...Гул самолёта убаюкивал, словно голос мамы в детстве. Пассажиры, наконец, утомонились, и я задремала...

Сон – самое великое изобретение Всевышнего! Сон – это неосуществлённые мечты, сбывшиеся во сне (простите за каламбур). Сон – это долгожданный отдых от суеты насущной. Сон – это исполнение всех желаний, иногда самых несбыточных, сексуальных и отвратительных, возможно, реализация самых заветных иллюзий. Во сне позволено всё, что пожелаешь! Никто, – ни суровая мама, ни дотошные друзья, ни дебильные законы государства не посмеют сказать мне: «Нет!»

Всё, что я когда-то хотела, хочу сейчас и захочу в будущем, во сне сбывается без всяких ограничений.

...Вероятно, сон – это спасительный параллельный мир для побега от повседневной, невыносимой реальности, основанной на одних только запретах: это нельзя, то невозможно, а это вообще аморально и недостойно человека, – вот каноны нашей сегодняшней жизни?!

А если я чего-то сильно хочу? Мочи нет, как хочу!

Все эти мысли вихрем пронеслись в моём воспалённом мозгу, разложились по своим нужным полочкам и навсегда осели в подсознании...

Теперь ни одна сволочь, ни один контролёр, ни один редактор, – никто не посмеет меня остановить. Что хочу, то и пишу, что хочу, то и говорю..! Да здравствует Свобода, пусть даже и не наяву, а во сне! Хватит выносить мозг! Руки прочь от меня, руки прочь от моих фантазий, руки прочь от моего Творчества!

Глава 1. Муки творчества

Параграф 1. Дорогая пропажа

...Уже битых два часа я безрезультатно роюсь в своём архиве в поисках потёртой зелёной тетрадки. Это не просто сорок восемь листов, скрепленных вместе, – это моё неотправленное, забытое письмо, датированное 2005-м годом...

Старенький, побитый безжалостным временем и людьми книжный шкаф неохотно отдавал свои истинные сокровища: пожелтевшие, дорогие моему сердцу фотоальбомы прошлого века, первые корявые рукописи почти двадцатилетней давности, истрёпанные прочитанные любимые книги, нежные открытки от верных друзей, пыльные пустые конверты от немногочисленных подруг...

Как и скупердяй Плюшкин, неуступчивый шкаф до последнего не желал расставаться со своим хламом, с моим прошлым, не возвращал моё же письмо, пролежавшее долгих девятнадцать лет без движения...

...В комнату робко протиснулся симпатичный юноша двадцати двух лет – мой внук Виталий – удивлённо открыл глаза и пронзительно чихнул от многолетней пыли: «Бабуля, по какому поводу шмон? Что потеряли?»

– Да вот, Виталик, разыскиваю одну потерянную вещьцу,

такую тоненькую зелёную тетрадку.

— Ба, да ты поищи в своём архиве лучше дневник за первый класс!

— Виталий, кто тебе привил такие манеры? Кто тебя учил дерзить старшим? А тем более родной бабушке? С виду такой воспитанный мальчик, сын интеллигентных родителей, внук знаменитой писательницы, а выражаешься, как люмпен.

Виталик что-то недовольно буркнул себе под нос и спешно удалился в соседнюю комнату, от греха подальше.

...Куда же она спряталась, эта злосчастная и счастливая одновременно, зелёная тетрадь?

Плюшкин тем временем неохотно приоткрыл более глубокий уровень своих несметных кладовых и, скрепя сердце, выдал на поверхность мою пропажу.

...Почему эта потрёпанная тетрадка, это неотправленное письмо, оказалась для меня счастливой? В общем, это длинная, довольно загадочная и грустная история...

...Если коротко, то в 2005-м году я находилась в плачевном состоянии, пребывала, можно сказать, в долгоиграющей депрессии, или, точнее, оказалась на грани срыва. Навалились многочисленные проблемы душевного порядка: пресловутый, печально известный кризис среднего возраста, постоянное изматывающее самокопание, катастрофическая нехватка денег и другая фигня...

И вот в январе приезжает одноклассник из Израиля, моя

первая любовь – мой Петя. Впечатления от той незабываемой короткой встречи – тема для отдельного романа, однако от моей затяжной депрессии не осталось и следа!

После его отъезда я на эмоциях написала ему откровенное письмо, но так и не решилась его отправить.

Что мне помешало?

Наверное, природная застенчивость серой мышки, коей я всегда себя считала, а, может быть, отсутствие смелости, уничтоженное мамой в детстве или, пардон, врождённая, ненужная в наше время интеллигентность. Не знаю...

Как бы то ни было, а письмо я так и не отправила, зато почувствовала непреодолимую тягу к сочинительству, изменившему мою жизнь кардинально.

Такой вот, несомненно, положительный момент, случившийся из-за этого неотправленного письма. Теперь что касается негатива...

...В комнату опять заглянул внук и вежливо поинтересовался: «Ну как, бабуля, нашла свой клад?»

Не отрывая глаз от пожелтевших страниц, я весело ответила: «Да, Виталий! Это действительно клад. Копи царя Соломона, – и я его, наконец, отыскала».

Виталик обрадовался сведению на нет мелкого житейского конфликта и принялся собираться в Университет на занятия...

...Итак, что же случилось плохого из того, что я так и не отправила письмо?

Дело в том, что Петя в 2005-м году развёлся с женой и оказался свободным, я же на тот момент осталась вынужденно свободной, из-за внезапной смерти мужа...

Моё искреннее письмо – крик души, честное признание, пусть и запоздалое, всё это могло бы стать мостиком, соединяющим двух бесконечно одиноких людей. Но письмом решительно завладел шкаф – жадный Плюшкин, и сближения не случилось.

Если два берега не соединены, то они живут каждый своей жизнью, разной, иногда похожей, но чаще, – полностью противоположной...

Параграф 2. Кто я

...Как каламбурил великий, непревзойдённый Жванецкий: «Писать и писать надо тогда, когда уже не можешь». Тут он прав на все сто процентов, правда, его творчество я не всегда понимаю, уж безумно мудрёные у него выражения.

Уверена, что излагать мысли нужно проще, эмоциональнее, живее, но не примитивно, и тогда читателям станет интересной твоя писанина, а, может быть, я наивно ошибаюсь?..

...Стала бы я доверять свои сокровенные помыслы бумаге, если бы в порыве эмоций не накатала то письмо? Скорее всего – нет!

...Можно годами ходить и сочинять в голове увлекательные, захватывающие романы; однако сесть за стол, взять ручку и набросать хотя бы одно предложение – это, друзья мои, настоящий подвиг! Поэтому такая неисправимая трусиха как я, вряд ли перешагнула бы этот мучительный Рубикон и начала бы вдруг творить.

...В школе я выдавала красивые пространные сочинения, в юности посылала много душевных подробных писем любимому мужу, но написать книгу или хотя бы рассказ, – никогда даже не пыталась; считаю, что сочинять романы – удел гениев, а я себя таковым никогда не представляла...

...Стою перед тусклым, всё подмечающим зеркалом

и внимательно изучаю возмутительно безобразные морщины.

Я категорически себе не нравлюсь, можно смело утверждать, что я себя ненавижу...

В окно вместе с летним палящим солнцем заглядывает 2005-й год, мне всего 48 лет, или – уже 48? ...Вопрос, конечно, интересный...

Судя по грустному отражению в зеркале, – я старуха, как бы обиженная Богом и бизнесом, неудачница с высшим не востребованным образованием, многодетная мама, не сумевшая, кроме квартиры, дать своим детям ничего! Вообще ничего...

Блин, я щас обрыдаюсь, а может, уже рыдаю?

Обливаясь горячими слезами, я жалостно, сострадательно, плаксиво жалею себя, и так всегда, когда гляжу в предательское зеркало. Можно бесконечно врать друзьям, иногда нужно врать одноклассникам, позволительно время от времени врать себе, но зеркало не обмануть никогда!

Я где-то читала, что у людей к пятидесяти годам развивается дальновзоркость и ухудшается близорукость, чтобы не видеть в зеркале себя старую, сморщенную, страшную и не впадать в постоянную депрессию. Может быть...?!

Грустно плетусь к себе в комнату, в своё одинокое и печальное гнёздышко, в свою затворническую келью, по совместительству являющуюся залом четырёхкомнатной квартиры, – здесь мой эксклюзивный мир, где даже экзотическая

пальма выглядит скорбной плакучей ивой...

...На журнальном столике одиноко примостилась зелёная тетрадь, полностью набитая моими пережитыми эмоциями и приторными слезами. Она – моя лучшая подруга, во всяком случае, только ей я доверяю свои ощущения и чувства. Лучшая подруга лукаво подмигнула зелёным глазом и хитро спросила: «А слабо тебе, Элен, накропать хотя бы небольшой рассказик? Тебе ведь ужасно понравилось излагать мысли на бумаге. Вон, аж сорок восемь листиков накатала. Наверное, в момент признания тебя и вдохновение посещало?»

Мгновенно в моей непутёвой голове что-то неожиданно сдвинулось само собой, я вдруг вспомнила невообразимый кайф, творческий подъём и огромный прилив энергии, когда сочиняла письмо любимому Пете.

Зелёная тетрадь – лучшая подруга – терпеливо ждала ответа...

Глубоко вздохнув, набравшись смелости, скорее всего наглости, я дерзко ответила: «Нет! Не слабо! Я обязательно напишу рассказ!»

Внутренний голос, провоцируемый настоящей подругой, задал следующий каверзный вопрос на засыпку: «А о чём, собственно, предполагаете писать?»...

...Воспоминания курьерским поездом проносились в голове, но в этот момент в комнату опять зарулил внук и одной фразой вернул меня в реальность 2024-го года: «Ба, я выдвигаюсь в школу».

Под школой, очевидно, подразумевался Томский Политехнический Университет, в коем когда-то училась и я.

Тряхнув головой и нервно оглянувшись по сторонам, я окончательно вернулась из своего далёкого прошлого, из незабываемого 2005-го. Направляюсь на кухню, варю крепкий кофе и опять проваливаюсь в вату сладких воспоминаний...

...Свой первый рассказ я накатала за три дня, с перерывами на обязательную нудную работу и серый каждодневный быт. В нём шла речь об уличном псе Рексе, – смелом вожаке бродячей стаи.

Рекс осторожно глядел вокруг и приходил к неутешительному выводу, что зло уже давно победило добро, поэтому он самоотверженно пресекал людской и собачий беспредел, неистово защищал слабых и маленьких, как мог делал добро.

Короче говоря, Рекс слыл стойким борцом за справедливость!

Я бесконечно гордилась собой, что всего на семнадцати страничках нарисовала сложный характер вожака собачьей стаи и его непростые взаимоотношения со злыми двуногими. Текст получился неимоверно жёстким, однако, предельно правдивым.

Ура! Теперь я стану знаменитой писательницей и миллионершей, докажу всем, и в первую очередь себе, что я не серая мышка, вечная неудачница и забитая зачуханка!

...Как же глубоко я тогда ошибалась!

До первой моей книги, увидевшей свет, прошло пять долгих мучительных голодных лет. Тогда, в 2005-м, я даже не подозревала о всех подводных рифах и трудностях писательской профессии. Это теперь я представляю, что время от корявого, не отредактированного текста до изданной книги может измеряться годами и даже десятилетиями; кроме того, уже написано огромное количество неопубликованных произведений...

Пока черновик пылится в столе, он никому, кроме автора, на хрен не нужен, точно так же, как неотправленное письмо, имеющее ценность только для своего хозяина. Но, что самое ужасное, – я боялась дать почитать рассказ кому бы то ни было.

...Я пребывала в жутком необъяснимом страхе, поскольку моё непревзойдённое творение могут раскритиковать, и мне стало ужасно стыдно за то, что я умею, оказывается, сочинять истории, а остальные мои друзья и знакомые такими способностями не обладают.

Мой опус таился в столе месяца три. Раз пятьдесят прочитав своё первое творение, я внесла кучу нужных поправок и изменений, улучшила, как мне казалось, стилистику, добилась необходимой живости эпизодов и яркости метафор. Однако, этим суетным делом можно заниматься до бесконечности. Лучшее – враг хорошего!

Основательно причесав своё произведение, я спрятала его обратно в стол и в порыве вдохновения накропала ещё один

рассказ про одноглазого, несчастного рыжего Кота, обитающего в нашем дворе, ежедневно сражающегося за свою жизнь, терпящего издевательства от всех.

Перечитав опус про многострадального и затравленного Кота, я плакала горькими слезами, мне так стало его жалко, но взять бедолагу домой я не могла, ведь в квартире обитали маленькие дети и большая псина...

...Интересное дело, но после написания второго рассказа я не ощущала бешеной эйфории, вспышек звездной болезни и розовых мечтаний; мне просто нравилось сочинять, складывать простые слова в необычные предложения, использовать яркие метафоры, придумывать виртуозные остросюжетные ходы и лихие закрутки. В общем через полгода я плотно подседа на бумагомарание.

Самое главное, что мне самой сие занятие пришлось по вкусу! Я испытывала ни с чем не сравнимый экстаз от творчества, буквально нутром ощущала радость от изящно придуманной фразы! И теперь мне было абсолютно без разницы, опубликуют мои произведения или нет. Я словила восхитительный кайф, а дальше, – хоть трава не расти! Без всякого сомнения, такая отмазка – великий самообман всей наивной пишущей братии, потому как опубликованными желают быть все без исключения, жаждущие признания.

...Кайф кайфом, но через какое-то время появилось смутное желание, чтобы кто-нибудь ещё, кроме меня, познакомился с моими творениями, чтобы кто-то оценил проделан-

ную работу, чтобы кто-то, наконец, похвалил. Мой первый поход в местное издательство закончился полным фиаско!...

...Редактор мельком, как мне показалось, по диагонали пролистал опус про несчастного обездоленного Кота, поднял удивлённые глаза до уровня манящего выреза на моей самой нарядной блузке и тихо произнёс: «Мадам Жиркова, это что такое? Это что за хрень? Кто это станет читать? А вы в курсе, что количество книжных магазинов в Томске за последние пять лет сократилось вдвое? Ваши, извините, сентиментальные сопли про бездомных животных могут заинтересовать разве что „зелёных“ или сердобольных старушек. А почему? Я вас спрашиваю: По – че – му? Да потому, писательница вы наша, что читателям, если они ещё остались, подавай жареное, выкатывай исключительно клубничку с извращенным сексом, жестокими бандитами и продажными ментами. Ну не желают граждане покупать книги про Белого Бима и Му-му!»

Находясь напротив этого жирного индюка, офисной гниды от литературы, зажавшейся сволочи, я чувствовала, как меня поливают вонючими, липкими, гадкими нечистотами из поганого ведра...

Редактор тем временем, не отрывая взгляда от декольте, вынес окончательный вердикт: «Мы это категорически печатать не намерены! Несомненно, вы, госпожа Жиркова, можете издать сборник на свои деньги, если, они, конечно, у вас имеются. Мой вам добрый и бесплатный совет: сочиняйте

любовные романы для упрямых женщин или крутые детективы для капризных мужчин, а ещё лучше, – не пишите вообще».

...Отряхнувшись от помоев, я поймала его похотливый мерзкий взгляд и со слезами на глазах пулей вылетела из кабинета.

«Интересно, а если бы я намекнула этому козлу на интим-услуги, взял бы он тогда мою рукопись в работу?» – рассуждала я, выпорхнув на шумную улицу.

...«Вот так, Леночка-пеночка, никакая ты вовсе не писательница, а дерьмо на палочке», – злорадно шептал внутренний голос...

...На шумном перекрёстке кружила бесконечный хоровод мелодий плаксивая осень, а в душе наступила лютая зима, кружившая хоровод холодных метелей...

Мои обиды тут же сублимировались в неистовый гнев, открывший переполненный резервуар с горючими слезами. Опустившись на лавочку, я тихо, чтобы никто не услышал, зарыдала, проклиная свою горемычную жизнь, ругая последними словами редактора и любимого Петю, с неотправленного письма к которому и началось моё творчество. Слезы струйками катились по щекам и падали на сексапильную розовую блузку, промочив её насквозь...

...Я пребывала в скверном состоянии, а мимо пролетал поезд жизни с героями сегодняшних дней – богатыми и наглыми, беззаботными и сытыми.

В голове кувалда с грохотом отстукивала один и тот же риторический вопрос: «Что делать? Что делать? Что делать?» Вопроса: «Кто виноват?» не возникало вовсе, потому как все виноваты, кроме меня; все козлы, ублюдки, уроды, одна я белая и пушистая...

...Издать книгу за свои деньги, хотя бы сто экземпляров, для меня – не подъёмно. Продать авторские права на сборник кому-нибудь – не реально, ведь этого кого-то необходимо ещё найти. Выложить его на всеобщее обозрение в Интернете – жаба давит. «Что же предпринять? Должен же быть выход?! Думай, Лена. думай», – мой внутренний компьютер сейчас задымится в поисках ответа...

...Зазвонил телефон, став фигурой для меня, и отодвинул недобрые воспоминания в фон, да так неожиданно, что я вздрогнула.

– Елена Игоревна, доброе утро. В котором часу сегодня Вам удобно принять курьера с Вашей рукописью для следующей правки? – пропел вежливый голос секретаря издательства.

– Присылайте его через три дня, в понедельник. Сегодня я ужасно занята. У меня юбилей! Пятьдесят лет окончания школы; согласитесь, это большая дата!

– Наше издательство от всей души Вас поздравляет! В понедельник до обеда я с Вами свяжусь.

Закурив очередную спасительную сигарету, я подумала: «Отчего все так вежливы, когда ты богата и знаменита? И по-

чему тебя смешивают с дерьмом, опускают ниже плинтуса, в упор не замечают, когда ты никто, – просто Человек? Разве я стала другой? Нет, я та же Лена, только чуть-чуть постарела.

Когда же мы научимся уважать Человека, а не его счёт в банке?»...

...Отодвинув в фон философские размышления, я опять нырнула в пучину тягостных воспоминаний...

Где взять сорок пять тысяч рублей для издания хотя бы ста экземпляров моей книги?

Допустим, я займу у кого-нибудь эти деньги. Как потом отдавать долг, если сборник не получится быстро продать? Если откладывать какую-то сумму с моего горе-бизнеса, то период накопления необходимой суммы займёт лет сто пятьдесят. Это довольно долго и, вообще, проблематично. Какие ещё варианты у меня в запасе?

...После долгих размышлений прихожу к неутешительному выводу – в моём распоряжении всего три варианта: пойти на панель, ограбить банк, найти богатого спонсора. Первые два варианта – чреваты большими неприятностями, да и возраст уже не тот, а вот третий способ добычи денег надо хорошенько обдумать.

Взяв чистый лист бумаги, я составила список всех, у кого можно одолжить хотя бы тридцать тысяч. Конечно, сумма не такая уж и большая, но для меня – просто гигантская.

...Наверное, найдутся продажные чинуши, получающие

такие деньги за две минуты, не отрывая зад от кресла-кор-мушки, очевидно, водятся богатые папики с сомнительным криминальным прошлым, не употребляющие шампусик дешевле тысячи баксов за бутылку и, уж точно, подавляющая часть москвичей зарабатывает такие деньги за неделю. Но я, к сожалению, не жена Онасиса, не сестра Алсу и, с Нашим Всем один детский сад не посещала; посему, если намерена стать писательницей, причём успешной, то должна рассчитывать исключительно на себя и шевелить собственными мозгами; как говорила наша классная руководительница: «Надо шевелить мозжечком». Почему именно мозжечком, толком не знаю, ведь данный орган отвечает исключительно за координацию движений...

...Два долгих дня затрачено на составление глобального списка друзей, знакомых, родственников, у кого можно перехватить необходимую сумму без процентов и угрозы здоровью. В моём перечне оказались люди, которым можно просто позвонить, имелись и такие, с кем необходимо разговаривать обязательно тет-а-тет, находились также и те, кто нуждался в железных гарантиях, в общем, присутствовали разные персоны. Всего в необходимый реестр я внесла сорок шесть фамилий.

Итак, за работу: бесконечные, нудные переговоры по телефону, утомительные и напряжённые личные встречи, неприятные официальные общения в офисах и приятные неофициальные в кафе...

После недели неумелого, позорного попрошайничества мне вдруг стало ужасно стыдно, совсем неловко перед знакомыми. Но, что делать? Я стремилась любой ценой издать первую книгу, поэтому спрятала комплексы в дальний карман и упорно продолжала начатое, а именно – снова и снова билась головой о непробиваемую стену.

Основной вопрос, интересовавший почти всех потенциальных кредиторов: «Когда отдашь?»

На этот неудобный вопрос я честно отвечала: «Не знаю, возможно, через год, а скорее всего позже».

Вполне естественно, такой ответ категорически никого не устраивал, и мне тут же давали от ворот поворот в разных формах – вежливых и не совсем...

...Двадцать первой в моём глобальном списке значилась одноклассница Лариса – хозяйка и директор собственного предприятия. Её фирма избежала каким-то чудесным образом бандитских наездов и чиновничьего произвола, а посему много лет оставалась на плаву и приносила неплохую прибыль.

Набравшись наглости или храбрости, в один прекрасный день я зарулила к ней в офис. Подругами мы никогда не считались, поэтому Лариса искренне удивилась, увидев меня на пороге своего кабинета. Честно говоря, на помощь с её стороны я шибко и не рассчитывала, но вариант под номером двадцать один надо обязательно убить или проверить, а вдруг?..

Абсолютно ничего не соображая в психологии переговоров, я сразу взяла быка за рога; вдохнув поглубже, тут же в дверях разродилась фразой: «Лариса, займи сорок тысяч. Я написала книгу и хочу её издать!»

Её очки молниеносно раскалились от негодования, глаза зло и хитро прищурились, и она, как бы между прочим, спросила: «А что за книга-то?»

Такая заинтересованность показалась мне довольно искренней, и в голове мелькнул маленький лучик надежды. Смущённо улыбнувшись, я робко вымолвила: «Книга – сборник рассказов. Их всего четырнадцать на разные темы, некоторые – про животных, несколько – о природе, пять – о моих детях, и прочее».

Одноклассница внимательно выслушала мой сбивчивый лепет и, как дотошный экзаменатор, отчеканила следующий вопрос: «А ты в издательство носила свою книгу?»

Опустив глаза, я тяжело вздохнула: «Они меня послали куда подальше, в том смысле, что такое чтиво никому не надо. Посоветовали издавать книгу на свои деньги».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.